

Пролог

Есть вещи, о которых ты никогда не задумываешься, пока не столкнешься с ними лицом к лицу. Когда ты в тепле и безопасности, ты не думаешь о промозглой погоде, морозящем дожде и ветре, пронизывающим тебя сквозь одежду. Когда ты сыт, ты не думаешь о голоде, костлявой рукой сжимающем тебе внутренности. Когда ты честен, тебя не беспокоят мысли о том, какую паутину лжи нужно сплести, для кого и как быстро.

Мысли трепыхались в голове и метались туда-сюда обезумевшей от страха птичкой, попавшей в западню в тесном пространстве. Холодное копье длинным острым лезвием касалось моей сонной артерии. Казалось, если я сделаю вдох или сглотну, оно с легкостью рассечет мне шею, и моя жизнь закончится за считанные минуты. Капля пота стекала по виску бесконечно медленно, несмотря на холод, исходящий от каменной стены, к которой я была прижата. Время замедлилось и съежилось до гулких ударов моего сердца о ребра. Тук. Тук.

– И что помешает мне убить тебя прямо здесь и сейчас, а? – злобно прошептал мне в ухо знакомый голос. От него разило вином, потом, лошадьми и яростной ненавистью, рвавшейся наружу.

Говорят, в кризисные моменты надо переноситься мыслями в спокойное и безопасное место. Таким местом для меня в тот момент стал самолет, на котором я прилетела в Рим почти год назад.

— **Н**ринести Вам еще воды, сеньора?
Я кивнула с улыбкой, и стюардесса пошла дальше по проходу самолета. Уже вот-вот объявят о скорой посадке. В Риме меня ждала небольшая квартира, в районе Трастевере, снятая на несколько месяцев вперед. Долгожданный отпуск, или побег от горя и одиночества, тут как посмотреть.

У меня ведь был план. Окончив Королевский колледж Лондона, я хотела устроиться на работу, возможно преподавать. Выйти замуж за Тревора и жить долго и счастливо. Но у жизни планы были другие. Сначала умер отец от воспаления легких, а вслед за ним не стало и мамы. Сердечная недостаточность, постановили врачи. Я бы сказала «умерла от разбитого сердца». Они так любили друг друга, что быть по разные стороны завесы жизни и смерти просто не смогли. После похорон, прошедших одни за другими, я пребывала в оцепенении. Лежала, спала, плакала, выкидывала кучу еды, которую приносили соседи, потому что съесть такое количество было мне не под силу. Тревор приходил все реже и все с более недовольным видом.

— Ну сколько можно уже лежать, Тея? Может сходим в кино?

Я не хотела в кино. Я хотела отгоревать столько, сколько мне нужно и жить дальше. Но Тревор не смог этого дожидаться. Однажды моя подруга и бывшая однокурсница скинула мне фото из ресторана, где сидел и улыбался во весь рот Тревор. С другой. Мы встречались четыре года, черт бы его побрал, и он с филигранной ловкостью отказался от меня, словно мы были знакомы четыре дня. Что ж, надо отдать ему должное, какую-то пользу он все же

принес, своим предательством он вывел меня из затяжной апатии. И он очень хорошо это понял, когда, войдя в дом, едва успел увернуться от летящего в него контейнера с запеканкой, принесенной накануне сердобольной соседкой. И потом от еще одного. Пока они все не закончились.

— Ты же знаешь, я плохо переношу негативные эмоции, — попытался он оправдаться с плохо скрываемым раздражением и жалостью к себе, отряхивая пиджак от налипшего...чего бы то ни было, — уже прошло почти три месяца, а ты так и лежишь целыми днями в доме родителей.

— Ты сукин сын, — сказала я с неожиданным для меня спокойствием, — убирайся хоть ко всем позитивным девушкам на свете, у которых самое страшное горе — это неудачный макияж. Мои вещи из нашей квартиры пришлешь с курьером. Можешь снимать ее с кем хочешь.

Вот так планы мои поменялись. Примерно на никакие, поначалу. Отмыв дом от последствий своей вспыльчивости, я занялась различными формальностями с наследством и прочими делами. По вечерам я смотрела старые фильмы, пила вино и закусывала мороженым. И в один из таких вечеров, под фильм «Римские каникулы» я вдруг вспомнила, что когда мы обсуждали возможный медовый месяц с Тревором, то всерьез думали об Италии. Непопрошенные слезы от осознания того, что этому не бывать, покатались по щекам. Ничему не бывать, ни свадьбе, ни родителям на ней, ни медовому месяцу. Разозлившись на себя за то, что опять начала скатываться в свое горе, я утерла слезы рукавом кофты, и решительно подумала, да и к черту все. В конце концов, я еще жива. Поеду одна, сменю обстановку и подумаю, что делать со своей жизнью.

И вот я уже допиваю воду на борту самолета, и жадно смотрю в окно иллюминатора, разглядывая приближающийся вечный город, который как я надеялась, даст мне какие-то ответы и новую жизнь. Если бы я только знала...

Глава 1

Я поселилась в квартирке над небольшой семейной закусочной. Управляющие Антонио его жена Джиа жили по соседству, а квартиру наверху сдавали. Они очень радушно приняли меня и все время прикармливали. Я подружилась с их дочерью Патрицией, она была студенткой, и мы часто проводили время вместе, сидя в уголке за чашкой кофе и болтая о том, о сем. Ее родители подшучивали над нами, называя уголек и пламя: Патриция невысокая брюнетка с карими глазами, а у меня волосы медные, вьющиеся, отливающие рыжим, и зеленые глаза. Гуляя по узким мощеным улочкам, любуясь старинными домами, увитыми плющом, тоска потихоньку начала меня покидать. По вечерам я сидела на небольшом балконе своего нового временного жилища, с бокалом домашнего вина, вдыхала воздух вечернего города, и ни о чем не думала.

Однажды жарким августовским днем мы прогуливались с Пат вдоль реки Тибр, любовались пересекающими реку мостами, и обсуждали ее очередную влюбленность. Нам обоим казались слишком серьезным наши полные имена, Патриция и Теодора, поэтому мы сошлись на «Пат» и «Тея».

– Ах, он такой милый, Тея, ты должна с ним познакомиться, – трещала она без умолку, – у него и холостые друзья есть, – добавила она и лукаво взглянула на меня.

– Ну что ты, Пат, мне это сейчас совершенно ни к чему, – вздохнула я.

– Ну сколько можно дуться на мужчин из-за одного неудачного опыта? – возмутилась она, – ты такая красotka, просто пропадаешь одна зазря!

– Я не пропадаю, – рассмеялась я, завязывая непослушные волосы в пучок, – просто пока что мне очень комфортно одной.

– Ага, – пробурчала Пат, – не успеешь оглянуться, и ты уже одинокая всем недовольная старушка, сколько тебе уже, двадцать восемь?

– Двадцать семь, – поправила я ее, – и ты вообще не о том думаешь в свои 22. Как ты собираешься стать историком, если только и думаешь, что о парнях?

– Я все успеваю, – отмахнулась она, – и память хорошая. Вот ты знала, что реку Тибр пересекают более двадцати мостов? Знала?

– Хочешь засыпать меня фактами в доказательство своего усердия в учебе?

– Почему бы и нет, раз ты думаешь, что любовь может быть преградой в учебе. Ты же стала лингвистом, знаешь иностранные языки, и при этом жила с парнем у себя в Лондоне!

– Ой, не напоминай мне о нем, – поморщилась я, – сразу вспоминая, как долго пришлось отмыывать лазанью со стены в прихожей, – я сейчас не гожусь для свиданий, Пат, ты же знаешь.

– У тебя отличное чувство юмора, – возразила она, – парни это любят.

– Это для тебя это чувство юмора, а для них чаще всего он превращается в пассивно-агрессивный сарказм, ничего пока не могу с этим поделать, и еще я поправляю людей, когда они говорят неправильно, – вздохнула я, – издержки профессии.

– Ах, ерунда это все, – отмахнулась Пат, – когда встретишь свою настоящую любовь, все пойдет как по маслу! Кстати, а ты знала, что в древнем Риме в Колизее во время представлений женщин сажали только на верхние ярусы?